

Бад, заметив, что Сяо Юй внимательно слушает декламацию, доносящуюся из зала синагоги, тихо заговорил, его голос был гладким и округлым, с оттенком святости, подчеркнутым специально выверенным ритмом.

Сказав это, Бад повернул голову, взглянув на Сяо Юя:

— Это стихи поэта Иуды Халеви, который тридцать лет назад прибыл из Иберии в Иерусалим. Говорят, что он был затоптан лошадью, когда входил в ворота Иерусалима. Позже декламация стихов Халеви стала частью литургии в еврейских синагогах.

«Орошу твою землю своими слезами...» — прошептал Сяо Юй, наблюдая за сценой богослужения в синагоге.

Бад провел Сяо Юя через несколько улиц, направляясь к дворцу. По пути к ним подходили люди, здоровались с Бадом и обсуждали темы, связанные с феодальными владениями, внутренней политикой королевства и ситуацией в Египте. Бад умело отвечал на все вопросы.

Дворец располагался в западной части внутреннего города, недалеко от Яффских ворот, рядом с Храмом Гроба Господня и архиепископством, которые считались символами Святого Града. Вскоре они достигли дворца.

Снаружи королевский дворец, где король и королева принимали своих подданных, выглядел величественно и роскошно, сочетая в себе элементы римской, византийской и левантйской архитектуры — круглые арки, греческие колонны, массивные капители и витражи с изысканными узорами. В сопровождении Бада Сяо Юй быстро прошел проверку охраны и вошел во дворец.

Они прошли через просторные светлые коридоры и дворы, украшенные редкими растениями. Взгляду открывались роскошные ковры ручной работы с изображением Девы Марии, мраморные стены и аккуратные мозаичные полы.

Служанки, сновавшие по дворцу, были одеты в яркие шелковые платья, их мягкие, как водоросли, волосы свободно ниспадали на спину. На талии, груди и многослойных головных уборах были закреплены изящные серебряные украшения. Увидев Бада, ведущего за собой юношу, они с любопытством украдкой поглядывали на него, в глазах светилась улыбка.

Когда они подошли к двери одного из залов, из него вышла группа слуг в белых одеждах, неся на подносах свежее мясо, овощи и фрукты.

Бад остановил первого слугу и, нахмурившись, спросил:

— Его Высочество все еще не ест?

Слуга поклонился, на лице его читалась тревога, и покачал головой:

— Его Высочество выпил лишь немного воды, больше ничего не стал есть.

— Как его настроение?

Слуга поднял взгляд, слегка удивленно посмотрел на Бада, затем перевел взгляд на молча стоявшего за ним Сяо Юя и тихо ответил:

— Никаких явных эмоций, как бы мы ни пытались уговорить, он остается молчаливым.

Бад махнул рукой, отпуская слуг, затем открыл железную дверь зала, повернулся к Сяо Юю и сказал:

— Входи, он будет рад тебя видеть.

Сяо Юй тихо кивнул и переступил порог.

Внутри зала их встретил длинный коридор, в конце которого стояла железная дверь с замысловатыми узорами. Напротив двери возвышалась медная статуя, изображавшая рыцаря, сражающегося верхом на лошади. Лошадь подняла передние копыта, но рыцарь, уверенно сидящий в седле, оставался невозмутимым, его взгляд был устремлен вперед, а в руке он держал двуручный меч, занесенный для удара.

По обеим сторонам коридора горели свечи, освещая темный проход, однако ветер, проникавший через двери дворца, заставлял пламя колебаться, отбрасывая на пол дрожащие желтые тени.

На потолке высотой в пятнадцать с лишним футов были изображены роскошные фрески, создававшие атмосферу церковной торжественности. В окна, через которые пробивалось лишь несколько лучей света, были вставлены витражи с изображениями библейских персонажей.

Шаги Сяо Юя отчетливо раздавались в коридоре, и вскоре он оказался у двери в конце. Подняв руку, он толкнул дверь, и та легко открылась.

Внутри комнаты, как и в коридоре, не было ни лучика света. У арочного окна были плотно задернуты черные шторы, и единственным источником света в помещении была свеча, стоявшая на столе прямо перед дверью. Комната была просторной, у окна стоял стол, на котором лежала незавершенная партия в шахматы. На другом столе слева лежало несколько книг в черных обложках, рядом с ними были воткнуты ветви с пушистыми листьями.

Мальчик сидел за столом спиной к Сяо Юю.

Сяо Юй заметил, что за последние два года мальчик сильно вытянулся. Хотя и раньше он был выше своих сверстников, теперь одежда на нем сидела гораздо свободнее, явно указывая на то, что он сильно похудел. Его худые плечи опустились, и от него исходила волна подавленности.

Услышав звук открывающейся двери, мальчик не подал виду, но когда Сяо Юй медленно подошел к нему сзади, он слегка пошевелился, и его слегка хриплый голос раздался в тишине:

— Я сказал, что хочу побыть один.

Голос мальчика, ставший немного грубее, отозвался эхом в пустой комнате, заставив стены слегка дрожать.

— Если ты действительно настаиваешь на этом, — остановившись, Сяо Юй опустил голову.

На столе перед мальчиком лежала открытая книга, страницы которой уже пожелтели и выглядели настолько хрупкими, что казалось, они рассыплются от малейшего прикосновения. В правом нижнем углу четко виднелся сгиб.

Сяо Юй взглянул на изображение в центре страницы, и в его глазах мелькнуло понимание.

На картинке был изображен человек, полностью замотанный в бинты, с открытыми только

глазами. Его правая рука была обнажена, и на ней виднелись яркие красные пятна. Вокруг него стояли несколько человекоподобных существ с черными костяными крыльями и заостренными ушами, а между ними были нарисованы скелеты. Под изображением было несколько строк текста, написанного арабской вязью — Сяо Юй знал, что это арабский язык.

Услышав голос Сяо Юя, мальчик резко повернулся и уставился на него с выражением недоверия на лице.

Сяо Юй слегка улыбнулся и тихо произнес:

— Лайт.

Мальчик, казалось, все еще не мог прийти в себя, его рука машинально сжала гусиное перо, и кончик пера провел по странице, оставив длинную черную линию на изображении.

— Удивлен? — Сяо Юй приподнял бровь.

Теперь, с удивлением на лице, мальчик больше не выглядел таким подавленным, как раньше. Его слегка расширенные глаза выдавали в нем еще ребенка.

Лайт пришел в себя от этого вопроса, взглянул вниз и увидел, что его перо оставило длинную линию на странице. Он на мгновение замер, затем, не подавая вида, положил перо на место и закрыл книгу.

— Я просто не ожидал, что ты тоже об этом знаешь, — мальчик все еще держал книгу закрытой, не поворачиваясь к Сяо Юю, и снова погрузился в свои мысли, вокруг него снова витала атмосфера подавленности. — Знаешь, я все эти дни читал книги о проказе, и до сих пор не нашел ни одного случая излечения.

Сяо Юй не хотел давать мальчику ложных надежд, но и не хотел, чтобы тот погружался в отчаяние. Он ответил:

— При нынешнем уровне медицины шансы на излечение от проказы очень малы.

— Я знаю, — мальчик кивнул. — Сарацины говорят, что проказа — это наказание от Бога за грехи... Я каждый день каюсь перед Богом, но это не помогает... Я заболел этой болезнью из-за своих грехов?

Последние слова мальчик произнес почти шепотом, так, что их едва можно было расслышать.

Сяо Юй подошел к мальчику слева, положил руку на его плечо и заставил его повернуться лицом к себе. Они оказались так близко, что почти касались друг друга носами. Сяо Юй тихо сказал:

— Лайт, ты знаешь, что я не верю в Бога. Если говорить о грехах, то я бы уже давно заболел этой болезнью. Это не имеет отношения к Богу. Тебе просто нужно активно сотрудничать с врачами. Если врачи Иерусалима не смогут тебя вылечить, то мы найдем мусульманских или еврейских врачей — всегда есть надежда.